

ТОЛПА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КАТАЛОНСКИЙ ПРАЗДНИК ПАТУМ — ЭТО НЕ ПРОСТО КРАСИВАЯ ДРЕВНЯЯ ТРАДИЦИЯ, ПРИЗНАННАЯ ЮНЕСКО ДОСТОЯНИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ЭТО ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ О СВОБОДЕ, НЕ МЕНЕЕ АКТУАЛЬНОЙ ДЛЯ КАТАЛОНЦЕВ СЕГОДНЯ, ЧЕМ ТЫСЯЧУ ЛЕТ НАЗАД

АВТОР

**ИМЯ
ФАМИЛИЯ**

ГОД — Событие. Этот текст на самом деле является «Рыбой»!

ГОД — Событие. Этот текст на самом деле является «Рыбой»!

ГОД — Событие. Этот текст на самом деле является «Рыбой»!

Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исключительно для подготовки электронно-

Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исключительно для подготовки электронного макета полосы и должен использоваться в ожидании, пока в распоряжение верстки не поступит Latinita. Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исклю-

Сейчас рванет. Вот сейчас, кажется, оно и рванет. На площади, забитой так, что люди давят тебе на ребра, в один момент выключается свет и пропадает звук. Только барабан отбивает в тишине двухтактный ритм, похожий на сердцебиение. Все затянуто плотным дымом, а в толпе появляются люди, охваченные огнем. Их становится все больше, ветер раздувает искры, и вот уже кажется, что вся площадь горит. Я судорожно прикидываю расстояние до ближайшего переулка, чтобы спрятаться. Дело дрянь — шансов выбраться отсюда гораздо меньше, чем быть раздавленным по дороге. Поэтому я начинаю делать то же, что и все: закрыв лицо руками, мечусь из стороны в сторону, уворачиваясь от огня.

А ведь начиналось все невинно. Вчера, в среду, мы приехали в маленький каталонский город Берга ровно к первому представлению. ПатУм (именно с ударением на последний слог) — это целая праздничная неделя. К карнавалу начинают готовиться в воскресенье, понедельник и вторник город еще работает, хотя настроение у всех уже приподнятое, а в среду после обеда магазины в центре города закрываются и хозяева затягивают фанерой витрины. На центральной площади, ограниченной мэрией, церковью и несколькими домами, кажется, не уместилась бы и тысяча человек, но местные говорят, что в праздник на ней и на примыкающих улочках собирается весь город, то есть шестнадцать тысяч человек.

Когда часы на церкви бьют шесть, первым из мэрии выходит табальеро — человек с огромным барабаном-табалем, в который он отбивает тот самый ритм: «Па-бам, па-бам», по-каталонски «Па-тум! Па-тум!» — ведь название праздника означает как раз этот звук.

Вот выносят старых гигантов — пару здоровенных кукол в роскошных костюмах. Гиганты на празднике появились в XVII веке, но конкретно этих, которых выносят сегодня на площадь, сделали в середине XIX столетия: король и королева — каждый ростом почти четыре метра и весом 98 килограммов. За ними выносят новых гигантов — чету мавров, которые выше и тяжелее старых (114 килограммов). Оркестр наяривает марши каталонского композитора Хоакима Серра (Joaquim Serra), дюжие мужики забираются под юбки к гигантам, поднимают их и кружат. Публика одобрительно орет и хлопает в ладоши.

Потом на площадь выносят зеленую гидру — языческого монстра «с телом осла, хвостом коня, шеей жирафа и головой дракона», как написано в брошюре для туристов. На деле это зеленая тряпичная кукла, в которую набиваются трое или четверо человек, исполняющих роль ног монстра, и еще пара кукловодов с шестью поддерживает шею. Голова дракона из папье-маше улыбается и вообще больше похожа на морду восторжен-

ного сеттера. К каждой голове привязаны горящие петарды, гидры носятся по площади и поливают публику огнем. Люди расталкивают друг друга, чтобы попасть под искры, и кукловоды стараются никого не обидеть. Я наблюдаю в полном восторге, вспоминая прыжки через костер на Ивана Купалу и прочие дохристианские ритуалы очищения огнем, которые знаю по книгам, а вот теперь вижу вживую.

Все участники праздника делятся на команды, как среднее общество на сословия, и право на место в команде передается по наследству, объясняет нам гид. Есть команда тех, кто таскает гигантов, команда гидры и всех прочих персонажей, которых мы увидим завтра. В каждой команде есть актеры и помощники. Если только у отца семейства, принадлежащего к актерам, нет детей или дети не могут участвовать в празднике, появляется вакансия, на которую могут претендовать помощники.

«Вообще-то это не совсем так, — говорит местная девушка Лурдес. — Например, если у тебя есть друзья в команде демонов, ты можешь попроситься помогать, готовить короны из травы. В прошлом году я помогала, а сейчас я беременна, поэтому не участвую. А вот мой муж носит гигантов. Но вообще мы все участвуем, здесь никто не зритель».

Лурдес материализовалась из толпы, услышав русскую речь. Молодая красотка на пятом месяце беременности, она пришла на праздник вместе с мужем, который принадлежит к команде носильщиков гигантов. «О! Вы из России! — восклицает она с легким акцентом. — Как здорово! Откуда вы узнали про Патум?!» Лурдес оказывается из той редкой породы европейцев, которые без памяти влюблены в Россию, не в последнюю очередь потому, что знают ее по университетскому курсу русского языка и литературы.

Встретить в Берге человека, свободно говорящего по-русски, это кажется тоже частью праздничного сюрреализма. Местные обычно не говорят ни на каком языке, кроме каталонского. Английский знает в основном молодежь, а по-испански многие не говорят из принципа. «Я не разговариваю по-испански, — говорит Михаэль, муж Лурдес, тот, что носит гигантов, да и сам вполне похож на великана. — Между собой мы говорим на каталонском, а с иностранцами — по-английски. Так что испанский мне не нужен».

Языковая ревность — это проявление общего настроения: по всему городу в окнах и с балконов свисают вертикальные полосатые флаги Каталонии с пятиконечной звездой — символика местных сепаратистов, добивающихся полной независимости от Испании. Судя по количеству флагов, в том числе рядом с мэрией,

Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исключительно для подготовки электронного макета полосы и должен использоваться в ожидании, пока в распоряжение верстки не поступит Latinita. Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исклю-

Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исключительно для подготовки электронного макета полосы и должен использоваться в ожидании, пока в распоряжение верстки не поступит Latinitsa. Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исключительно для подготов-

Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исключительно для подготовки электронного макета полосы и должен использоваться в ожидании, пока в распоряжение верстки не поступит Latinitsa. Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исключительно для подготов-

Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исключительно для подготовки электронного макета полосы и должен использоваться в ожидании, пока в распоряжение верстки не поступит Latinitsa. Внимание! Этот текст на самом деле является «Рыбой»! Он предназначен исключительно для подготов-

независимости здесь хотят если не все, то подавляющее большинство. Каталония — одна из немногих по-настоящему прибыльных территорий в Испании. Здесь говорят, это потому что испанцы ленивее. Каталонцы относятся к ним как к нерадивому младшему брату. По закону, все, что Каталония зарабатывает, она отдает в государственный бюджет, из которого затем приходит финансирование. «С этой системой мы мирились, хотя, например, Страна басков сама распоряжается своими деньгами, — говорит Анхель, дежурный на празднике от мэрии. — Но в последние два года из Мадрида не приходит вообще ничего, мы на грани банкротства. Какая нам выгода быть частью Испании? Конечно, мы недовольны. Я был бы рад, если бы мы отделились».

За месяц до Патума случился международный скандал с испанским королем, которого застали за браконьерской охотой на слонов в Африке. Бергаданцы официально объявили короля персоной нон грата в своем городе. Вряд ли их так сильно волнует жизнь африканских редких животных, скорее это был долгожданный повод.

После того как на площади отплясали все команды, я иду вслед за толпой по узким улицам. Площадное представление — это только начало, после которого народное гулянье и братание продолжается до глубокой ночи: все бродят вслед за табалем, оркестром, гигантами и, главное, огнедышащими гидрами. Я старательно вливаюсь в толпу, подпеваю и глотаю то, что протягивают окружающие, экзотически пляшущие на ходу. Собственно, все пьют одно и то же — бареджу (*barreja*), сладкое вино с добавлением аниса и чего-нибудь покрепче. Этот лукавый напиток пьется легко, пьянит незаметно и сильно.

«Ты из России?! Откуда ты узнал про Патум? — удивляется очередная девушка с литровой флягой. — Он из России! — сообщает она подругам. — Мой отец уехал по работе в Уфо... Уфа? Есть такой город? Вот, уехал и завел себе там новую семью. Мы ему говорим, возвращайся. А он такой, нет, я тут пью водку на обед и на ужин, не вернусь. Ты тоже пьешь водку на обед и на ужин?» Я хоть и не пью водку на ужин, но довольно скоро чувствую, что с трудом стою на ногах, кое-как возвращаюсь в отель и проваливаюсь в сон.

В четверг утром мы идем знакомиться с участниками карнавала. Двор за площадью завален снопами свежесрезанной видальвы — травы, похожей на вьюн, из которой мужчины скручивают толстые венки. Нас приводит сюда Исаак Гонфадо, капитан команды демонов. «*Vista Catalunya independenta!*», «*Vista la republica!*» — весело кричат ему. «Да здравствует независимая Каталония!» — полушуточное-полусерьезное мужское

приветствие в Берге. Венки из травы — это короны для демонов, объясняет Гонфадо, традиционное средство пожарной безопасности для актеров.

На площади тем временем собираются нарядно одетые жители вольного города с детьми всех возрастов. На балконе мэрии — цвет бергаданского общества и пары молодоженов, которые по традиции сидят в первом ряду вместе с мэром. Снова выносят старых и новых гигантов, за ними появляются старые и новые карлики — четыре фигуры солдат в треуголках, которые танцуют под нехитрые народные мелодии. Вот выходят турки и кавалеристы — восемь актеров, у четверых к поясам прилажены лошадки из папье-маше, в руках других игрушечные кривые сабли. Расчистив место в тесной толпе, они изображают Реконкисту — события X–XI веков, когда Пиренеи вели войну с мавританским господством. Затем на площади появляются черти с булавами, то есть шестами, к которым прикреплены барабаны и петарды. Под конец их искрометного танца появляются ангелы — две густо напудренные девушки в хитонах, с бумажными крыльями и в белокурых париках. Они повергают на землю чертей и протыкают их копьями.

Битва добра со злом и борьба за независимость — это два, а точнее, один общий сюжет всех номеров. Войны и захватчики в Каталонии были всегда: если не мавры, то французы, если не французы, то испанцы. Первые войны за независимость начались в эпих местах еще до того, как появилось само слово «Каталония» в исторических документах. Так что свобода — это главный местный нерв и, соответственно, тема главного праздника. А важнее Патума для местных праздника нет.

«Для меня Патум — это счастье! Понимаете? — говорит Лурдес с блеском в глазах. — Это у нас важнее, чем Рождество и Пасха. Раньше это был религиозный праздник, но сейчас об этом уже никто не думает. Сейчас это просто такая большая радость. Многие, кто уехал жить в Барселону или в другие страны, возвращаются сюда раз в год на Патум». Я спрашиваю, хочет ли она, чтобы Каталония получила независимость. «Мы все хотим свободы, чтобы Каталония была свободна. В Барселоне это не так сильно, а здесь, в Берге, почти все хотят независимости».

Патум — как толстый слоеный торт, в котором можно снимать корж за коржом, углубляясь в историю Каталонии вообще и Берги в частности. В дикие дохристианские времена это была вакханалия в честь летнего солнцестояния, которую католическая церковь привязала к евхаристическому празднику Тела Христова. Во всем католическом и отчасти протестантском мире *Corpus Christi* отмечают с шумом и размахом, но толь-

ко в Берге праздник по масштабу перерос остальные праздники и любые пределы воображения.

Кульминационный момент — когда на площадь выносят здорового деревянного орла. Эта птица — символ Берги, который появился на Патуме в 1756 году. Ту же фигуру, слегка подреставрированную, используют и сегодня. Перед тем как начинается танец орла, все строго шикают друг на друга и умолкают. В полной тишине раздается пронзительный григорианский гимн. Птица мечется из стороны в сторону, люди, замерев, наблюдают и как будто волнуются: все ли кончится хорошо на этот раз? Музыка набирает обороты, превращаясь в танцевальный хит, орел раскручивается, изображая свободный полет. Зрители свистят, подпевают и ликуют, пожилые дамы утирают слезы, младенцы хлопают в ладоши, и все вокруг вибрирует от неподдельного счастья.

Затем вся программа повторяется снова, и зрители, разогретые барежей, как в первый раз радуются победе кавалеристов над турками, ангелов над чертями и орла над всем на свете. Тем временем солнце заходит и включаются фонари. В полночь начинается смутное волнение, толпа уплотняется, все надевают рубашки с длинными рукавами, широкополые панамы и натягивают платки на лицо по самые глаза. На площадь выходят долгожданные демоны. У каждого под костюмом толстый слой травы, защищающий от ожогов, и к каждому привязано по девять петард — по три на рогах и три на хвосте. А поскольку их больше ста, одновременно на площади горит тысяча петард, которые, догорая, взрываются, так что все это превращается в затяжной пиротехнический кошмар. После небольшого перерыва демоны выходят второй раз, я вынырываю из толпы и бегу на верхний этаж примыкающего к площади дома, откуда коллеги-телевизионщики снимают свой сюжет.

Все это давно перестало походить на реальность, но теперь, взлетев по узким неосвещенным лестничным пролетам старинного дома, оказавшись в чьей-то квартире и высунувшись по пояс из окна, я в прямом смысле теряю дар речи. Под домом колышется и переливается живая панорама ада, каким его изобразили бы Брейгель или Босх. Людей почти не видно, в темноте под широкополыми панамы они превратились в кипящие красно-черные волны. Ветер размазывает снопы искр от сотни мечущихся демонов, музыки нет, есть только мерный ритм табала и крик «О-о-о-о-о!», который выдыхает толпа. И это уже совсем не про Каталонию и независимость и тем более не про праздник Тела Христа. Это момент, когда я вижу, как поднимается что-то глубокое, архаичное и абсолютно неформулируемое, что есть в человеческой природе. Наверное, это катар-

сис, который может произойти с каждым при определенных обстоятельствах, но сейчас я вижу, как его переживает одновременно целый город. В книжках обычно в этом месте пишут «время замерло». Так вот, время замерло: выход демонов продолжается несколько минут, которые кажутся часами.

Потом, когда мы с коллегами будем приходить в себя на бульваре, превращенном этой ночью в ярмарку, на площади начнется тираболь — заключительный аккорд в духе «Танцуют все!», когда все персонажи одновременно топчутся на площади среди ошалевших от счастья горожан. Потом, наутро в пятницу на площади снова соберутся люди и будет детский Патум — точная копия праздника, в которой все роли исполняют дети. Потом, в субботу и воскресенье, для гостей города повторится все, что мы увидели вчера и сегодня.

В первый день по приезду водитель Хесус рассказал мне историю, как две недели назад в провинции Валерио и Альбатан местные власти провели референдум, предложив жителям выбрать: либо традиционный праздник с быками Джуйо де Галистеро (Guijo de Galistero), либо на сэкономленные на празднике средства создать новые рабочие места. Праздник победил с большим отрывом. Три дня назад, только что приехав из Москвы, я снисходительно улыбнулся, узнав эту историю. Теперь, сидя на скамейке и медленно пережевывая картошку, я ее переосмыслил и проникся уважением к мудрости жителей провинции Валерио и Альбатан. Потому что теперь ясно, что лучшего средства от любого кризиса, в том числе финансового, чем местные праздники, не существует.

И хотя в последние годы Патум обходится Берге в 350 000 евро, эти деньги с лихвой окупаются на выходных, когда праздник выходит на второй круг и в город приезжают туристы со всей страны, Европы и даже мира.

Впрочем, дело не только в деньгах и веселье. Патум играет роль коллективной психотерапии, игры, где можно хотя бы на несколько дней, хотя бы понарошку почувствовать свободу, которых каталонцы добиваются с глубокого Средневековья. Добьются ли они реальной политической или экономической независимости и будут ли ей рады — это сложный вопрос, который в эти дни совершенно не имеет смысла. Карнавал обладает мощной очистительной силой, превращает социальное напряжение и сепаратистские настроения в веселье и единение. Если Рождество или Пасха для каталонцев это повод собраться дома с семьей, то Патум — способ почувствовать, что весь город тебе и дом, и семья. Поэтому Лурдес с ее небогатым русским словарем сто раз права, и никакого другого слова кроме как «счастье» к